

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ СПЕЦНАЗ

Александр
ТАМОННИКОВ

ПЯТЕРО СМЕЛЫХ

Президентский спецназ: новый Афган

Александр Тамоников

Пятеро смелых

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Пятеро смелых / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2016 — (Президентский спецназ: новый Афган)

ISBN 978-5-699-92242-0

Исламские экстремисты пошли на очередную чудовищную провокацию. В турецкой Анталье они захватили в заложники пятерых российских граждан, работников местного кафе. Запланировано специальное «интервью», во время которого мужчины должны будут предстать перед мировой общественностью в качестве спецназовцев, незаконно воюющих на территории Сирии, а женщины – как сотрудники ФСБ, выполняющие секретную миссию. «Режиссеры» уверены: накачанные психотропными препаратами пленники сыграют как надо. На выручку заложникам в логово бандитов срочно направляется группа подполковника Павла Новикова. Спецназовцы еще не знают, что страшное шоу уже давно развивается не по сценарию террористов.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92242-0

© Тамоников А. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Александрович Тамоников

Пятеро смелых

*Все, изложенное в книге, является плодом авторского
воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.*
А. Тамоников

© Тамоников А.А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Глава 1

Афганско-таджикская граница, берег реки Пяндж. 2000 год

Третий день караван медленно двигался на восток вдоль пограничной реки Пяндж. Старшим в охранении был Тахир Умабор, хорошо знавший приграничную местность и не раз проводивший караваны через кордон.

Караван состоял из двенадцати мулов и шести провожатых, включая Тахира. Восемь мулов тащили ящики с оружием и боеприпасами, четыре – опиум, добытый из незрелых коробочек мака.

– Тахир, может быть, отдохнем? – спросил уставшим голосом боевик по имени Машхади.

– Не здесь, – ответил тот и поморщился.

– Почему?

Умабор остановился, отодвинул ветку куста, кивнул в сторону реки и заявил:

– Смотри!..

Боевик с минуту вглядывался в полосу берега, но ничего не увидел.

Тогда старший протянул ему бинокль и спросил:

– Видишь два дерева, растущих рядом?

– Да, деревья вижу.

– Возьми левее метров на сорок.

– Взял.

Только теперь Машхади заметил контрольно-следовую полосу. За ней поблескивали тонкие струны колючей проволоки, а чуть дальше виднелся край какого-то сооружения.

– Что это? – спросил боевик и вернул бинокль.

– Пограничный пост. Построен русскими совсем недавно. Так что здесь неподходящее место для отдыха. Могут заметить. Пройдем до ближайшего отрога и остановимся у его подножия.

Спорить Машхади не стал. Тахир действительно знал здесь каждый куст, а потому успешно провел не один десяток караванов.

Местность, по которой приходилось идти, и впрямь представлялась опасной. Днем по здешним равнинам лучше было пробираться в одиночку, на худой конец – без животных. Лишь такой вариант давал возможность проскочить незаметно или своевременно ускользнуть, повернуть обратно. А медлительность и неповоротливость каравана делали отряд Тахира до предела уязвимым.

Когда в Таджикистане вспыхнула гражданская война, граница осталась практически без охраны. Таджикская молодежь пользовалась этим, спокойно уходила за кордон, училась военному делу в Афганистане, Пакистане и других мусульманских государствах.

На территории Афганистана формировались вооруженные отряды и перебрасывались обратно в Таджикистан. Конкретно – в Тавильдаринский район, ставший в то мутное время центром ваххабитской радикальной оппозиции. Здесь, в горах, почти не стихали боевые действия. Именно с этого рубежа ваххабиты намеревались пробиться к Душанбе. Иногда их попытки оказывались настолько удачными, что до столицы Таджикистана им оставалось пройти всего несколько десятков километров.

В Тавильдаринском районе, примыкающем к области Горный Бадахшан, собралось несколько десятков тысяч боевиков. Это была серьезная сила, хорошо подготовленная, вооруженная и экипированная. Из Афганистана и Пакистана сюда приходил свежий личный состав, поступали боеприпасы, медикаменты и, разумеется, деньги. К слову сказать, немалая часть боевиков регулярно отправлялась отсюда в Чечню для поддержки тамошних сепаратистов.

Восточная часть Таджикистана буквально кишела этим разношерстным сбродом. Среди боевиков было много арабов, встречались даже европейцы. В основном это были профессионально подготовленные люди, добывающие свой хлеб исключительно на войне.

Горные участки афганско-таджикской границы в те времена охранялись из рук вон плохо. Заставы, расположенные там, были недоукомплектованы и в основном занимались собственной обороной.

Именно в тот сложный период президент Таджикистана обратился к руководству России за помощью. В Москве пошли ему навстречу, и вскоре в республику прибыли российские пограничники.

Первым делом наши военнослужащие обустроили заставы, посты, КСП и вертолетные площадки, наладили связь и дистанционный контроль особо опасных направлений.

С того момента у боевиков, засевших в Горном Бадахшане, начались серьезные проблемы.

Тахир Умабор был крепким молодым мужчиной с открытым лицом, обрамленным редкой черной бородкой, и тяжелым взглядом зеленоватых глаз. Из двадцати пяти лет, прожитых на этом свете, более половины он провел в различных бандах и вооруженных формированиях, не раз совершал кражи, налеты и дерзкие ограбления. Кровожадности и жестокости в его характере не было, но изредка ему все же приходилось убивать людей. Делал он это в исключительных случаях, ибо за подобные злодеяния в арабском мире могли и повесить на центральной площади какого-нибудь городка.

Тахир ощущал себя молодым мужчиной в расцвете сил и так глупо умирать не собирался. Поэтому, пребывая в бандах, он был крайне аккуратен и старался обходиться без лишних жертв.

Постоянного места жительства Умабор не имел. Он скрывался в горах, проживал у родственников в небольших селениях, снимал дешевые комнаты в трущобах на окраине Багдада. Иногда этот авантюрист сваливал в Афганистан для того, чтобы промышлять проводкой караванов с контрабандой. Это занятие было относительно безопасным. Многократно уменьшался риск попасть в лапы правосудия. Как светского, так и духовного.

Он всегда слыл осторожным и умным человеком, обладающим к тому же даром предвидения. Не зря Тахир и его ближайшие сподвижники ни разу не попали ни в одну серьезную передрагу, в то время как другие искатели приключений регулярно погибали или пропадали без следа.

Шестеро вооруженных мужчин размеренно ступали по песку, иссушенному палящим солнцем, смешанному с мелким крошечным красновато-желтого грунта. До ближайшего отрога, склоны которого покрывала спасительная зеленка, оставалось не более пятисот метров. Люди и животные устали от удушающей жары и долгого перехода по пустынным местам.

На продолжительный отдых караван останавливался только вечерами. Днем же путникам приходилось довольствоваться короткими передышками у колодцев и речушек, где люди поили животных водой и сами хоть как-то расслаблялись в скудной тени.

Наконец Тахир, шедший впереди, достиг раскидистых кустов олеандра. За ними темнела роща из кипариса и алеппских сосен.

– Мы на месте, – объявил проводник.

Он привязал мула к дереву, аккуратно уложил на траву автомат, скинул военную куртку песочного цвета, ослабил ремень на брюках.

– А вода поблизости есть? – спросил повеселевший Машхади, подойдя к нему.

– В сотне метров отсюда протекает ручей.

– В каком направлении? – спросил боевик и подхватил резиновое ведро.

– Там, – Умабор махнул на север и огляделся по сторонам.

Он не раз проводил караваны по этому маршруту и всегда останавливался на отдых именно здесь, в тенистой роще. Несмотря на близость к границе, тут было спокойно и уютно. Тишина, спасительная прохлада, пение птиц.

Умабор лежал на подстилке из мягкой травы, глядел в небо и представлял, как в будущем купит себе дом в таком же райском местечке и заживет мирной жизнью. Да, в глубине души Тахир давно мечтал об окончании междоусобных распрей, раздирающих его родную Сирию. Будучи мальчишкой, он видел боевые столкновения исламистов с вооруженными отрядами правящей партии «Баас», массовые выступления и террористические акты. Кончина президента Хафеза аль-Асада и «восхождение на трон» его сына тоже сопровождались волнениями и боями.

С одной стороны, эти события были ему на руку. В такой обстановке никто не обращал внимания на мелкие группировки, занимавшиеся контрабандой и прочими шалостями подобного рода. С другой стороны, Тахир, человек очень даже неглупый, понимал, что взрывоопасная обстановка может довести страну до масштабной войны и полного краха. Это повлечет за собой появление американских войск и оккупацию, как произошло в Ираке и Афганистане. Относительно спокойная жизнь на этом и закончится.

Машхади вернулся с полным ведром воды, напоил двух мулов. За следующей порцией живительной влаги отправился другой охранник.

Кратковременный дневной отдых в подобных тенистых местах был необходим не только людям. Прежде всего следовало дать остыть животным, напоить их. Им ведь не объяснишь, что здесь опасно, рядом граница. У них на спинах ценный нелегальный товар, за который их провожатым могут запросто выпустить кишки.

Тахир посмотрел на часы, стянул с ног обувь и опять лег спиной на ковер из мягкой травы. До окончания привала оставалось полчаса. Еще целых тридцать минут можно было расслабленно лежать и ни о чем не думать. А потом снова в путь.

Сириец лежал с закрытыми глазами и пытался на время отключиться от окружающей действительности, но это у него не очень получалось. Мысли Умабора возвращались к маршруту следования каравана.

Время, отведенное на отдых, истекло.

– Подъем! – приказал Тахир и оглянулся на охранников, лежащих неподалеку. – Надо двигаться дальше, иначе не успеем затемно перебраться на другой берег реки.

Дальше люди и мулы шли по довольно мрачному гнилому лесу, росшему на южном берегу пограничной реки. Это вроде как было неплохо. В густой зеленке медлительных животных засечь трудно. Но ведь подобная местность была необычайно удобной для организации засад.

Тахир осторожно ступал по траве и листве, максимально напрягал зрение и слух. Он по-прежнему вел первого мула, при этом постоянно крутил головой.

Эти места ему не нравились. Лес нельзя было назвать густым. Меж черных стволов часто встречались широкие проплешины, нагромождения валунов или небольшие заводи зеленоватой стоячей воды – следствие близкого расположения русла полноводной реки Пяндж.

Умабор нервничал неспроста. Несколько лет назад в этих самых местах его караван нарвался на засаду, искусно устроенную конкурентами. Казалось бы, такая же компания контрабандистов, занимавшаяся переправкой наркоты и оружия через границу. Чего им меж собой делить? Так нет же, предводителю этих людей, пожилому афганцу, показалось, что именно он имеет исключительное право на маршрут вдоль пограничной реки. Вот этот субъект и решил расправиться с коллегами.

Тогда Тахир в жестокой перестрелке потерял и караван, и охранников. Сам он получил касательное ранение головы, но умудрился унести ноги. С тех пор в районе его правого уха

красовался шрам. После такой беды Умабор старался проشمыгнуть по этим местам быстро и без лишнего шума.

Гнилой лес сперва тянулся на восток, потом – еще с десятков километров на север. Далее зеленка, прижившаяся на болотах и нагромождениях камня, врезалась в скалы, образующие несколько параллельных ущелий. Как правило, караваны, ведомые Тахиром, двигались по самому глубокому из них, заросшему смешанным лесом и кустарником.

Идти по тропе, проложенной среди камней, было трудно. Слева и справа нависали крутые скалистые склоны, отчего дно ущелья погружалось в сумрак. Густой кустарник царапал лица и руки.

Умабор знал, что каравану придется пробираться по ущелью несколько часов, затем настанет черед форсировать Пяндж. Для этого надо будет дождаться темноты и под ее покровом осторожно подойти к броду. От северного берега до места передачи товара рукой подать – два с половиной километра. Самым сложным этапом Тахиру представлялась переправа на другой берег пограничной реки.

Пяндж был неширок. В гористой местности его поток еще более сужался и набирал силу. С северного берега прекрасно просматривалась и, соответственно, простреливалась прилегающая афганская территория.

Надо сказать, что после отдыха порядок движения в караване изменился. Теперь первым шел Машхади. Умабор шагал за ним и лишь подсказывал ему, когда и куда повернуть.

Через пять часов старший охраны взмолился:

- Тахир, давай отдохнем. Посмотри, как устали животные и люди!
- Рано, – бросил в ответ проводник.
- Когда ты планируешь остановку?
- Через час.

Голос Умабора показался Машхади странным. В нем вроде бы сквозили нотки сожаления, словно сирийцу не хотелось поскорее выбраться из мрачной кишки ущелья.

«Тахир боится выходить на открытое пространство? – подумал он. – Наверное, так и есть. Ведь он зачем-то заставил меня идти первым, хоть я и не знаю дороги. А сам только подсказывает. Мол, сейчас тропа повернет резко вправо, обойди группу валунов левее. Да еще постоянно озирается, будто подозревает, что кто-то следит за караваном!»

Постепенно высокие склоны немного расступились, пропуская в ущелье свет солнца, висящего на западе над самым горизонтом. А узкая тропа, вившаяся между кустарников, вдруг превратилась в круглую поляну без единого деревца.

– Вот тут и остановимся, – объявил Тахир. – До выхода из ущелья осталось не более километра. Дальше идти будет легче.

– Как здесь насчет воды? – поинтересовался Машхади.

– Никак, – лениво ответил сириец, подпаливая сигарету. – Ночью напоим животных. Из реки.

Люди отдыхали, расположившись на краю поляны. Мулы спокойно щипали сочную траву. Вокруг царил удивительная тишина.

До окончания привала оставалось минут пять.

Умабор тяжело поднялся и решил выкурить напоследок еще одну сигарету. На марше он предпочитал не дымить, чтоб не сбивалось дыхание. Машхади подошел к нему, тоже вытянул из пачки сигарету, сверкнул огоньком зажигалки и глубоко затянулся. Он выпустил струю дыма, внезапно дернулся, сделал два неуверенных шага, потянулся свободной рукой за спину и рухнул на траву.

У Тахира похолодело в груди.

В старшего охраны явно угодила пуля, но выстрела никто не слышал. Скорее всего, снайпер использовал бесшумное оружие. Более того, в зарослях, окружавших караван, по-прежнему было тихо. Ни шорохов, ни голосов, ни треска ломаемых веток.

Раздумывать было некогда. Сириец бросился в ближайшие кусты. Там он присел на четвереньки, забрался еще глубже в заросли, распластался на земле и приготовил автомат.

С этой позиции кое-как просматривались поляна и животные, готовые к продолжению похода. Два охранника были заняты осмотром ремней и веревок, коими крепился товар на спинах мулов, и ничего не заметили. Еще двое стояли неподалеку от Машхади, хрипевшего на траве. Они вовремя узрели опасность и тоже нырнули в заросли.

– Засада! – прошептал Умабор. – Опять!..

Мысли в голове Тахира путались. Принять бой или откатиться к склону и затаиться? Для первого варианта нужно было знать численность противника, но тот себя не выдавал. Если Умабор спрячется под скалой, то немного продлит свою жизнь, но потом его обязательно найдут. За караванами охотятся серьезные люди, не оставляющие свидетелей. Они расправятся с немногочисленной охраной, потом тщательно обыщут окрестности поляны, заглянут под каждый куст.

В течение последующих десяти-пятнадцати секунд так же тихо были ликвидированы два зазевавшихся охранника. Только после этого кусты на краю поляны зашевелились.

Сириец невольно вжался в траву, поймал в прицел автомата человека, появившегося невдалеке, но передумал стрелять и медленно убрал палец со спускового крючка. Тут-то Тахир и отключился.

Очнулся он оттого, что его затылок методично бился обо что-то твердое, явно металлическое. Тахир разлепил глаза и поначалу увидел красную пелену.

«Кровь, – догадался он. – Мое лицо залито ею. Но откуда она взялась? Что со мной произошло?».

Он не был связан, руки и ноги оставались свободными. Стало быть, люди, захватившие его, были уверены в том, что пленник не сбежит.

Он находился в кузове грузового автомобиля. Колеса часто подпрыгивали на кочках, отчего голова Умабора и ударялась о твердый металл. Рядом с Тахиром сидели бойцы, одетые в новенькие камуфляжные костюмы. Ни знаков различия, ни нашивок. Лишь русские «калашниковы» говорили о том, что это не американцы и не их союзники по блоку НАТО.

Постепенно в сильно болевшей голове Тахира восстановились последние секунды до того, как он потерял сознание.

Стрелять и оказывать вооруженное сопротивление Умабор передумал по той простой причине, что на поляне появился не один человек, даже не два. К мулам, стоявшим на открытом месте, из зарослей вышли десятка полтора хорошо экипированных бойцов. Все в масках, в камуфляже, разгрузочных жилетах и при солидном оружии, включая ручные пулеметы. Затевать с таким подразделением войну – нет, спасибо, себе дороже выйдет.

Он уже намеревался встать и выбраться из кустов с поднятыми руками, как сзади что-то ткнуло его в затылок с такой силой, что сознание вмиг отлетело куда-то в светлую даль. Должно быть, эти проворные вояки заранее расположились по периметру всей поляны. За спиной Тахира тоже кто-то был и до поры до времени держал его на прицеле. Потом этот добрейший человек решил долбануть своего подопечного по черепу.

Умабор медленно согнул руку, вытер ладонью лицо и осторожно посмотрел вокруг.

Он лежал посередине кузова. По обе стороны от него расположились бойцы – по шесть человек у каждого борта. Следом по дороге, кажется, пылила еще одна машина. Или две.

Небо уже потемнело, но слева по ходу движения светились края облаков. Значит, ехали они на север.

«На север. – Тахир снова закрыл глаза и попытался представить себе карту Афганистана. – Наш караван и так находился на самом севере страны – у пограничной реки Пяндж! Неужели я в Таджикистане?!» От этой догадки у него в груди опять похолодело.

Картонная афганская власть не препятствовала производству наркоты и переправке ее на север. Кукловодам из США это было даже выгодно. Они снимали с этого процесса самые жирные сливки и лишь регулировали трафик. В Таджикистане тоже все было схвачено. Князьки из Горно-Бадахшанской автономной области получали хороший навар с каждого каравана, а потому обеспечивали полную безопасность их проводникам и охранникам.

Проблемы начались сравнительно недавно, когда президент республики пригласил для охраны афганско-таджикской границы войска из России. Похоже, русским изрядно надоела проблема с наркотиками, проникающими в их страну непрерывным потоком, и они рьяно взялись за дело. Собственно, с тех пор переправка через Пяндж и стала самым сложным этапом в движении караванов.

Одним словом, в цепкие лапы русских пограничников Умабор попадать не хотел. Это действительно могло бы закончиться для него очень плохо.

Минут через двадцать тряского пути машины проскочили под каким-то освещенным навесом, сбавили скорость, развернулись и встали.

Бойцы подхватили Тахира под руки и заставили спрыгнуть на землю. После этого он едва не упал. Ноги затекли и не слушались его. К тому же голова от удара по затылку все еще болела и плохо соображала.

Он распрямился и огляделся по сторонам. Два бронетранспортера и грузовой автомобиль стояли посреди небольшого двора, зажатого между длинными одноэтажными строениями. На столбах горели фонари, чуть дальше виднелся сплошной забор. Над ним торчали несколько наблюдательных вышек. Из машины и бронетранспортеров выгружались усталые бойцы, в общей сложности около сорока человек. Руководил ими молодой поджарый офицер.

«Черт возьми, это же пограничная застава! – простонал про себя сириец. – Та самая, на которую я много раз смотрел в бинокль с южного берега Пянджа. Так оно и есть! Четыре деревянные вышки, посередине флагшток с российским флагом и высокий хлыст радиоантенны, удерживаемый растяжками».

Догадка ошеломила Тахира. Он был пленен русскими пограничниками, и ничего хорошего это не предвещало. В лучшем случае его передадут сирийским властям, а у тех разговор с такими героями, как Умабор, весьма короткий. О худших вариантах ему думать и вовсе не хотелось.

Бойцы подтолкнули его в спину, показали, что надо двигаться в сторону крыльца одной из казарм. Он повиновался, заложил руки за спину и пошел в указанном направлении.

У крыльца стоял часовой с оружием, при полной экипировке. Он поглядел на сирийца, усмехнулся и толкнул скрипучую дверь. Пленник оказался в квадратном холле, из которого в разные стороны уходили длинные коридоры. Конвоиры повернули своего подопечного вправо. Туда Умабор и пошел.

Его привели в кабинет, где за столом сидел русский офицер лет сорока, может, чуть больше. Мужчина широкоплечий, осанистый, с залысиной на продолговатой голове. На камуфлированной форме не было знаков различия, но, судя по уважительному отношению рядовых солдат, чин у него был немалый.

«Нет, он даже не майор. Полковник, никак не меньше», – решил про себя Тахир.

На столе, за которым сидел русский офицер, стояли настольная лампа, радиоприемник и маленький диктофон.

Для большинства жителей Афганистана родными языками были пушту и дари. Меньшая часть жителей этих мест разговаривала на узбекском, туркменском и урду.

Тахир родился и вырос на западе Сирии, где население говорило на сиро-палестинском варианте арабского. Позже, бывая в мухафазах Алеппо, Эр-Ракка, Эль-Хасака и Эс-Сувайда, он освоил месопотамский, мосульский и бедуинский диалекты. К тому же Умабор неплохо понимал языки остальных народов, населяющих Сирию: адыгейский, ассирийский, южноазербайджанский и домари.

Не знал он разве что английского, на котором и решил начать допрос русский офицер.

– State your name, – сказал тот, положив перед собой большой блокнот и авторучку.

Тахир сидел перед ним на стуле, в глаза ему светила яркая настольная лампа. Он пожал плечами, давая понять, что не разумеет сказанного.

– Do you speak English?

Этот вопрос тоже остался без ответа. Тогда офицер перешел на афганские диалекты. Только когда прозвучала фраза на пушту, сириец понял, что от него хотят.

– Я Тахир Умабор, – ответил он.

– А меня можешь называть по званию – полковником. У тебя не афганское имя. Откуда ты?

– Из Сирии.

– Точнее.

– Из пригорода Алеппо.

– Как ты оказался на афганско-таджикской границе?

Проводник вздохнул и начал рассказывать историю своей бедной семьи, мытарств по родине, раздираемой гражданской войной. Офицер внимательно слушал его, временами что-то отмечал в блокноте и задавал наводящие вопросы.

К немалому удивлению Тахира, русский полковник разговаривал с ним мягко и был достаточно обходителен. В середине допроса он вдруг поинтересовался, не голоден ли Умабор. Не дожидаясь ответа, офицер вызвал дежурного сержанта и попросил принести чаю с выпечкой и фруктов. Когда Тахир поел, он угостил его хорошей сигаретой, пододвинул пепельницу.

– Что с охранниками каравана? – спросил сириец.

– Они убиты, – ответил русский спокойно, без особого сожаления.

– Все пятеро?

– Да.

– А что будет со мной?

– Для начала посидишь в одиночной камере, пока мы пробьем твою личность по своим каналам.

– А потом?

– Сам-то на что рассчитываешь? – с усмешкой поинтересовался полковник.

– Хотелось бы избежать смертной казни.

– В России преступников не казнят. А вот в Сирии и Таджикистане такое случается не так уж и редко.

– Пожалуйста, не передавайте меня властям этих стран! – взмолился Тахир. – Я мог бы быть вам полезен.

– Чем же?

– Я знаю все маршруты, людей, которые занимаются формированием караванов, производителей и торговцев...

Офицер жестом остановил этот поток фраз, протянул арестанту стопку чистой бумаги и карандаш, потом предложил:

– Завтра утром на свежую голову запишешь все, что знаешь. Во второй половине дня мы встретимся и продолжим наш разговор.

В кабинете появился дежурный сержант.

Умабор понял, что допрос окончен, и поднялся со стула.

– Кстати, как ты себя чувствуешь? Медицинская помощь не требуется? – спросил напоследок полковник.

Сириец легонько потрянул головой и пощупал затылок. Под темечком была большая шишка, но боль утихла, мысли стали яснее.

– Нет, я чувствую себя нормально, – сказал он.

– Тогда до завтра.

Ночью Тахир долго не мог уснуть. Он ворочался на деревянной лавке в небольшой одиночной камере за железной дверью и размышлял над собственной жизнью. Окон тут не было, сколько сейчас времени, Умабор не знал. Молодой мужчина лежал на спине, глядел в вязкую черноту, вспоминал и раздумывал.

Что стало бы с ним, если бы страну не раздирали междоусобные конфликты? Как сложилась бы его жизнь?

Возможно, он получил бы образование. Способности у Тахира имелись, причем немалые. К письму, языкам, истории, литературе. Став образованным человеком, Умабор наверняка получил бы хорошую должность. Женился бы, обзавелся своим углом и детьми, зажил бы мирной, размеренной жизнью.

Так в чем же состояла его вина? В том, что приспособливался, подстраивался под неспокойные времена? Искал возможность раздобыть деньги? Да, конечно, Тахир нашел не самый лучший и честный, но разве у него был выбор?

Умабор с радостью согласился бы пойти учителем в начальную школу или смотрителем в какой-нибудь музей древностей. Только где сейчас все эти школы и музеи? Они разрушены, как минимум закрыты до лучших времен, прихода которых Тахир может и не дожидаться.

Под утро все-таки ему удалось заснуть. Разбудили его свет электрической лампочки, вспыхнувшей под самым потолком, и лязг запора тяжелой металлической двери.

Арестант приподнял голову, сощурился от яркого света и увидел солдата, вошедшего в камеру. Тот поставил на край лавки тарелку с едой и кружку с горячим чаем, накрытую плоским ломтем хлеба.

Завтрак Тахир съел с удовольствием, так как нормальной еды в его желудке не было со вчерашнего полудня. Чувствовал он себя хорошо, голова уже не болела, шишка на затылке стала меньше. Выспаться, правда, не удалось, но что мешало ему опять забыться, если очередную встречу русский офицер назначил только на вторую половину дня?

Тахир покончил с приемом пищи, дождался, когда солдат унесет пустую посуду. Свет остался гореть, и сириец взялся выполнять просьбу полковника. Он положил на лавку лист бумаги, вооружился карандашом...

Спустя полтора часа им было исписано несколько листов.

Умабор аккуратно сложил их в стопку и завалился спать. Однако отдыхал он не особенно долго. Скоро снова грохнул засов, и тот же боец жестом пригласил его следовать за ним.

«Неужели опять допрос?» – подумал арестант, идя длинным коридором.

Нет, он ошибся. Солдат сначала привел его в душевую, выдал шампунь, мочалку. Потом он положил на лавку новое нижнее белье и аккуратно сложенную камуфлированную форму, рядом поставил высокие ботинки военного образца, приятно пахнущие натуральной кожей.

Умабор намыливал голову под струями теплой воды и раздумывал над тем, что с ним происходило: «Раньше я не имел никаких дел с русскими и никогда бы не подумал, что они так гуманны к пленным! Вчера они предложили мне медицинскую помощь, напоили чаем. Сегодня накормили, помыли, дали свежую одежду. Офицер разговаривал со мной вежливо, прямо как с равным. Рядовые солдаты держатся нормально, не бьют, даже не грозят».

Он был наслышан о поведении американских солдат в Афганистане. Те считали себя представителями высшей расы и к местному населению относились как к дикарям. Если они

кого-то задерживали за так называемые правонарушения, то потом тех людей никто больше не видел.

Тахир отмылся под душем, насухо вытерся полотенцем, примерил форму и обувь.

Он думал, что после помывки конвой отведет его в камеру, но опять ошибся. Два солдата предложили ему подышать свежим воздухом в закрытом дворике близ барака. Они угостили Тахира сигаретой и сидели на лавке, пока тот, затягиваясь дымком, прохаживался по ограниченной территории. Шесть шагов в одну сторону, столько же – в другую.

Таким вот образом дообеденное время для Тахира пролетело незаметно. Он вернулся в камеру, несколько минут сидел на лавке и рассматривал добротную пошитую форму и ботинки военного образца.

Внезапно дверь открылась, и на пороге возник солдат с подносом в руках. На нем стояли две глубокие тарелки. Одна с первым блюдом, другая с кашей и куском мяса. На кружке с фруктовым напитком лежали два больших куска хлеба и сдобная булочка.

Умабор активно работал ложкой, с удовольствием поглощал суп с большим количеством капусты и помидоров, обладающий странным кисловатым вкусом, и довольно кивал.

«Неплохо кормят солдат в русской армии! Очень даже прилично».

Спустя три часа он сидел в кабинете напротив полковника. После обеда ему удалось немного вздремнуть, и теперь Умабор чувствовал себя отлично.

– Вот. – Он протянул офицеру свою писанину.

Русский пробежал взглядом по строчкам, довольно кивнул и убрал листы в стол.

– Послушай. – Он подвинул к пленнику пачку сигарет, зажигалку и пепельницу. – Тебе не надоел этот рискованный бизнес с нелегальной переправкой наркотиков и оружия? Ведь рано или поздно ты последуешь за своими товарищами, теми самыми, которые навсегда остались на поляне.

Это была самая больная тема.

Сириец вздохнул и признался:

– Надоел. Но если бы не этот бизнес, то я давно бы умер с голоду. В Сирии нелегко найти работу, а в Афганистане ее нет вообще. Почти все предприятия сокращают число своих работников, сельское хозяйство еле выживает. Однажды мне предложили работу на нефтедобывающей скважине. Я обрадовался, думал, что наконец-то наступит нормальная жизнь, но не получилось потрудиться и трех дней. Военные арестовали все руководство небольшой компании.

– Почему?

– Оказалось, что часть добытой нефти уходила по каким-то каналам за границу. А деньги начальство делило между собой. В итоге мне так и не довелось поменять профессию.

– Скажи, ты знаешь кого-нибудь из радикальной сирийской оппозиции? – вдруг сменил тему офицер.

– Из оппозиции? Нет, – ответил Тахир, пожал плечами и добавил: – Я никогда не увлекался политикой.

– А когда тебе и твоей семье жилось лучше – до волнений или сейчас?

– Конечно, раньше! Если бы не выступления оппозиции, то я бы окончил школу и стал бы учителем начальных классов.

– Ты мечтал быть учителем? – с нескрываемым удивлением спросил русский военный.

– Да, господин полковник. Учителем или смотрителем музея. Я часто ходил в музей, расположенный в центре нашего мухафаза. Мне очень нравились его экспозиции.

– Чем же?

– Там удивительно красиво и наглядно представлена история всей Сирии и нашего края. В витринах много вещей, связанных с нашей древней культурой. В музеях вообще неповторимая обстановка, заставляющая посетителей задуматься о своем бытии.

С минуту полковник с интересом рассматривал молодого мужчину. Говорил тот искренне, и с каждой встречей русский офицер все больше и больше проникался к нему симпатией.

– Согласен, музеи – это здорово. – Он вздохнул, достал из ящика стола листы, исписанные Умабором, вновь пробежал глазами по ровным строчкам.

Арестант нутром ощущал, что русский намеревается спросить его о чем-то важном и плавно подводит беседу к этому ключевому моменту.

Наконец тот спросил:

– Тахир, известна ли тебе позиция России относительно событий в Сирии? – Полковник впервые назвал своего собеседника по имени.

– Нет, – честно ответил тот.

Офицер вынул из того же ящика несколько газет, положил их на стол и проговорил:

– Ты не знаешь русского языка. Но по фотографиям на первых страницах легко поймешь, кого поддерживает моя страна. Посмотри, везде портреты вашего президента и представителей сирийской армии. Могу перевести заголовки. – Он взял верхнюю газету и прочитал: – «Министр иностранных дел Российской Федерации объяснил причины ввода Президентом Сирии Асадом чрезвычайного положения». «При Башаре Асаде сформировано первое гражданское правительство Сирии». – Офицер отложил первую газету, раскрыл вторую и продолжил: – «Советский Союз предоставил Сирии кредитов на общую сумму более тринадцати миллиардов долларов. Российский Президент рассматривает вопрос о списании части этого огромного долга». «За минувший год Россия направила в Сирию сто двадцать тонн гуманитарной помощи».

В третьей газете подзаголовки гласили следующее: «За последние тридцать лет в Советском Союзе и России прошли обучение около десяти тысяч сирийских офицеров, а более двадцати тысяч гражданских лиц получили высшее образование».

– Продолжить или этого достаточно? – спросил полковник.

– Достаточно. Я и раньше не раз слышал, как наши старики отзывались о России.

– Надеюсь, по-доброму?

– Исключительно, – подтвердил Умабор. – Они рассказывали, как вы помогли арабам в войне с Израилем, а ваши специалисты строили у нас плотины, оросительные каналы, гидроэлектростанции и заводы.

– Все верно. Старики врать не будут. Я вот о чем хотел тебя спросить. – Офицер поднялся, в задумчивости прогулялся по кабинету, остановился возле окна, обернулся и посмотрел в глаза сирийцу. – Ты не хотел бы помочь нам?

– Каким образом? – Тахир заметно растерялся.

– Не стану ходить вокруг да около. Нам нужен надежный агент в Сирии, способный внедриться в оппозицию и приблизиться к ее руководству. К слову, знаешь, чем я занимался этой ночью?

– Нет, господин полковник.

– Я знакомился с материалом, имеющимся у нас на тебя.

– Откуда он взялся?

– Из разных источников. Кое-что накопилось, – сказал русский офицер и снова сел за стол. – Негусто, конечно, но несколько страниц плотного текста имеются. Помогли коллеги из службы безопасности Асада.

– Понятно, – буркнул Умабор и поморщился.

– Напрасно ты считаешь, что я копался в твоём досье только ради поиска отрицательных характеристик. Я почерпнул и кое-что положительное.

– Разве спецслужбы Сирии могли написать обо мне что-то хорошее?

– Нет, конечно, – с улыбкой проговорил полковник. – Но я умею читать между строк и уяснил самое важное.

– Что же именно?

– Мне стало ясно, что твоя кандидатура нам подходит. Ты умен, расторопен, легко находишь контакт с незнакомыми людьми, знаешь почти все местные языки и диалекты. – Произнося это, офицер наблюдал за подопечным.

Тот все еще находился в растерянности и наверняка не был готов дать определенный ответ на весьма неожиданное предложение.

– Послушай, нам нет дела до того, чем ты занимался в былые времена, – сказал русский полковник и глянул на часы. – Попробуй понять самое главное. Если ты согласишься сотрудничать с нами, то у тебя появится шанс начать новую жизнь. С чистого, так сказать, листа.

– А как отнесутся к этому сирийские спецслужбы? – задал Умабор вполне резонный вопрос.

– На этот счет можешь не волноваться. Если ты станешь работать на нас, то ты получишь полную неприкосновенность. В конце концов, мы с сирийскими спецслужбами делаем общее дело. Какими именно способами – это уже решать нам. Тут есть еще одна деталь, немаловажная для тебя лично.

– Какая же?

– За свою работу ты станешь получать неплохое жалованье. Мы откроем тебе счет в банке Иордании, куда будем переводить приличные суммы за каждое выполненное задание. Плюс наличные, которые тебе будет передавать сотрудник нашей разведки. Никто об этих контактах, разумеется, не узнает. Ну а после победы над оппозицией – а она, полагаю, не за горами – решишь сам, чем заняться дальше. Можешь пойти учителем в школу или купить дом в столице. К тому времени у тебя накопится достаточно денег.

– Разрешите? – спросил сириец и потянулся к сигаретам.

– Да, конечно.

Тахир щелкнул зажигалкой, затянулся, откинулся на спинку стула, выпустил в сторону дым.

– Какие у меня еще есть варианты после победы над оппозицией и окончания гражданской войны? – спросил он через минуту.

Полковник красноречиво развел руками, показывая, что вариантов огромное множество.

– Мы готовы предложить тебе российское гражданство и предоставить жилье на территории нашей страны. При желании ты сможешь продолжить работу в качестве сирийского офицера.

После долгого молчания Умабор со вздохом признался:

– Это очень неожиданное предложение. Я должен разобраться, правильно ли будет бороться с оппозицией, работая на разведку другой страны.

– Что ж, разумное желание. Но я хотел бы напомнить тебе вот что. Не все то, что кажется нам плохим и подозрительным, является таковым на самом деле. Хочешь, расскажу короткую историю из моей личной практики?

– С удовольствием послушаю.

– Лет двадцать назад я был командиром десантного взвода. Командование бригады отправило меня в один из российских городов за молодым пополнением. Тогда шла война в Афганистане, и многие наши соединения направлялись в горячую точку через республики Средней Азии. Набрал я тридцать призывников и поделил их на две равные группы – мне и моему товарищу из другой части. Когда призывники из моей группы спросили, где им предстоит служить, я честно ответил: в Средней Азии. Что тут началось! Истерики, телефонные звонки, срочные телеграммы!.. Уже через час у местного начальства раскалывалась голова от

активного давления генералов, депутатов, чиновников и криминальных авторитетов. Каждый из них клялся в том, что именно этого бойца отправлять в Среднюю Азию никак невозможно.

– И что же из этого вышло? – спросил Умабор, с любопытством поглядывая на полковника.

– Двое суток я переоформлял документы на призывников. Звонки поступали постоянно, и мою группу непрерывно тасовали. В итоге у меня остались только дети трудового народа, у которых не было знакомых во власти. Все блатные оказались в группе у моего товарища из другой части. Наконец-то я покончил с документами и отвез сформированную группу в Среднюю Азию. Точнее, в Киргизию, в небольшую воинскую часть, дислоцированную на берегу озера Иссык-Куль и обеспечивающую охрану правительственного санатория. К слову сказать, на берегах этого роскошного озера расположено более ста пятидесяти курортов и здравниц. Там все эти парни благополучно отслужили положенный срок в тиши и спокойствии, при здоровом умеренном климате. Они вдыхали лечебный воздух и каждый день наслаждались ясной солнечной погодой.

– А что же вторая группа? – спросил Тахир и улыбнулся, догадываясь о каком-то подвохе.

– А вот те ребята, которые откупились и отмазались от Средней Азии, отправилась служить на архипелаг Новая Земля. Слышал о таком?

– Нет.

– Это жуткое место, состоящее из нескольких островов, расположено в Северном Ледовитом океане. Тридцать процентов площади покрыто ледниками, климат арктический, предельно суровый. Зимой минус сорок, летом – плюс четыре. Штормы и ветры до пятидесяти метров в секунду.

– Я понял мораль этой истории, – сказал сириец. – Обещаю хорошенько подумать.

– С ответом не тороплю, – спокойно проговорил полковник. – Предложение серьезное. Оно требует взвешенного решения. Но и держать тебя здесь в подвешенном состоянии долго не могу. В общем, у тебя сутки. Отсыпайся, отдыхай и думай.

Глава 2

Российская Федерация, Новосибирск. Турция, Анталья. Здесь и далее – наше время

Андрей Грибов всегда хотел быть предпринимателем. Более или менее вразумительно он припоминал свою жизнь в Новосибирске лет с семи. Даже в те молодые годы, когда его сверстники все свободное время проводили за компьютерными играми или на футбольной площадке, мальчишка с удовольствием смотрел фильмы и запоем читал книги об удачливых бизнесменах. Позже он перешел на статьи об организации своего дела и пытался изучать налоговый кодекс.

Окончив школу, Грибов по настоянию родителей поступил в политехнический колледж. Учился он в силу врожденных способностей, терпения и усидчивости неплохо, но особой симпатии к наукам не испытывал. По достижении восемнадцатилетнего возраста парень втихую от мамы с папой зарегистрировался как индивидуальный предприниматель и на пару с другом – Толей Кубаниным – открыл ларек на автобусной остановке.

Ребята торговали всякой мелочовкой: соками, минералкой, сигаретами, жвачкой, шоколадными батончиками. Все это они закупали у оптовиков; со временем научились мухлевать со сроками годности, кассовыми чеками и отчетными документами. В общем, обрастали опытом.

Колледж друзья все-таки окончили. Однако по специальности не работали ни дня. К тому моменту под крылом их индивидуального предприятия было уже четыре ларька. Товар с оптовых складов они вывозили на своем пикапе – стареньком, но надежном «японце».

Прибыль была не заоблачная, тем не менее менять ее на какой-нибудь оклад по должности Андрюха с Толяном не хотели категорически. Родители не настаивали на этом, так как видели серьезность намерений своих сыновей и реальный результат.

Он действительно был ощутимым. За четыре года упорной работы оба обзавелись собственным жильем. К выпуску из колледжа парни купили две однушки в новом доме на одной лестничной клетке, обставили их хорошей мебелью и жили самостоятельно. Ребята были целеустремленными и работающими, к наркоте и алкоголю не прикасались, с сомнительными личностями и компаниями дружбы не водили.

Что еще надо отцу или матери для осознания того, что твой ребенок твердо встал на ноги и уверенно идет по жизни?

Апофеозом предпринимательства Андрюхи и Толяна стало строительство в родном городе торгового центра. Вовсе не огромного по тамошним меркам, но вполне приличного и современного. Это был большой шаг вперед. Вместо ларьков и мелких магазинчиков друзья намеревались возвести солидное здание из стекла и бетона, с эскалаторами, центральным кондиционированием, службой безопасности и большими торговыми площадями.

Парни кое-как договорились с властями насчет долгосрочной аренды участка на одной из оживленных улиц, заказали проект, оформили документы, взяли в банке приличный кредит. В общем, работа завертелась. Все шло нормально. Пока не грянул кризис.

Кредита молодым бизнесменам хватило на оплату услуг архитекторов, согласование проекта, нулевой цикл и возведение бетонной коробки. Для финансирования дальнейшего строительства и отделки торгового центра Грибов с Кубаниным намеревались использовать прибыль от торговли, но оборот в ларьках и магазинчиках сразу упал. Строительство, естественно, пришлось законсервировать.

От окончательного краха приятелей спасло то обстоятельство, что кредит в банке они брали в рублях, а не в валюте. Ребята кое-как рассчитались с долгами и принялись обдумывать план дальнейших действий.

Долго размышлять им не пришлось.

Друзья изредка позволяли себе короткие отпуска, побывали в Египте, Черногории и Турции. Самые привлекательные условия для ведения бизнеса обнаружились именно в этой стране. Потому Андрей с Анатолием и решили запустить пробный шар именно там. Для начала они оформили рабочие визы, переехали налегке в Анталию, арендовали комнату для жилья и небольшое кафе близ берега и пляжей.

Обязанности приятели распределили так. Бумажной бюрократией и закупкой продуктов занимался Грибов. Кубанин, умеющий хорошо готовить, отвечал за кухню. Уборку зала и подсобных помещений крутые бизнесмены производили совместно.

Так и закутилась работа на новом месте.

Если кто-то вам скажет, что в Анталье круглый год тепло – плюньте ему в морду. Только предварительно сделайте шаг в сторону, иначе сильный порывистый ветер вернет ваш плевок обратно. С ноября по март здесь бывает жутко холодно. Часто с моря дует пронизывающий ураганный ветер. Отвратительное ощущение усиливает постоянная влажность воздуха, от которой не спасает ни одежда, ни отапливаемые жилища.

Тем не менее в Турции друзьям работалось гораздо легче, чем в России. Да, здесь тоже хватало «особенностей национального предпринимательства», но законы соблюдались и, главное, не менялись каждый месяц в угоду тем или иным кланам, находящимся при власти. Плати вовремя налоги, не нарушай инструкции и санитарные нормы, и никто к тебе с проверками не придет, взятки кланчить не будет.

Через полгода друзья познали основные тонкости местной экономики. По сути, в ней не было ничего сложного. Их дела пошли в гору. Парни купили подержанные иномарки, сняли просторную и удобную квартиру с видом на море.

Отношения между двумя странами к тому времени испортились из-за российского самолета, сбитого турками. Туристов из России в Анталье заметно поубавилось. Зато русскоязычное население, коего в этом городе было немало, прознало о маленьком кафе с сибирской кухней. Иной раз к его дверям выстраивалась очередь.

Грибов с Кубаниным пахали как черти. Один ранним утром мчался на местные рынки за продуктами, другой занимался приборкой и вставал к плите. В десять утра двери кафе открывались, и Андрей надевал фартук официанта. После обеда поток посетителей ослабевал, и он снова отправлялся к поставщикам. Последние гости уходили из заведения около десяти вечера. Все это происходило каждый день. Без выходных и отпусков.

– Все, Толик, так больше продолжаться не может! – сказал Андрей после очередного трудового дня.

Ребята лежали на кроватях. У них не было сил даже на то, чтобы постоять под прохладным душем.

– Что предлагаешь? – устало спросил товарищ.

– Не управляемся мы вдвоем.

– Согласен. Тяжеловато.

– Мы долго так не протянем. Надо подумать о расширении предприятия.

– Что ж, денег накопили. Теперь можно присмотреть помещение побольше. Но это потребует дополнительных рабочих рук.

– Согласен. Бухгалтером предлагаю Светку. Она мне названивает чуть ли не каждый день.

Супруга Андрея, Светлана Васильевна Грибова, осталась в Новосибирске и действительно очень скучала по мужу. Она работала экономистом, давно выражала желание приехать к супругу и помочь ему в новом бизнесе.

– Слушай, а барменом можно Стерлина Кольку пригласить.

– Кольку? Он же на машинах помешан и в нашем деле ни черта не смыслит.

– Ничего, мы его обучим. Зато надежный парень.

– Да, порядочный, непьющий. Думаешь, согласится?

– Куда он денется?! Его СТО приказало долго жить. Он уже второй месяц сидит без работы.

– Еще нужны будут охранник и рабочий.

– Найдём здесь из местных.

– Логично.

На том друзья и порешили.

Следующим утром Андрей позвонил супруге и изложил ей эти вот соображения.

– Ты и правда возьмешь меня работать в кафе?! – обрадовалась она.

– Мне не до шуток, Света. Мы с Толиком просто заживаемся. Когда сможешь приехать?

– Сразу, как только оформлю визу.

– Отлично.

– Слушай, Андрюша, а официантка вам не нужна?

– Официантка? – Грибов на пару секунд завис.

В большом кафе действительно потребуется официантка. О ней-то они с Толиком как раз и подзабыли.

– А кого ты порекомендовала бы? – спросил он.

– Как это кого?! Сестрицу мою двоюродную, конечно!

– Ларису?

– Ну да.

– А она готова выехать сюда?

– Я поговорю с ней. Она ведь и опыт имеет.

Идея пригласить официанткой в будущее кафе Лариску особенно понравилась Толику. Он встречался с ней несколько раз в Новосибирске, в основном на различных торжествах, устраиваемых в квартире Грибовых. При этом Кубанин проявлял к этой молодой женщине явную симпатию, что было вполне объяснимо. Двоюродная сестра Светланы отличалась классической русской красотой: высокая, стройная, белокожая, с абсолютно правильными чертами лица и роскошными русыми волосами.

– Ну, раз одобряешь, значит, будем искать новое помещение, – сказал Грибов и хлопнул товарища по плечу.

– Желательно где-то в этом же районе, – заметил тот.

– Естественно! Чтоб не растерять постоянную клиентуру. Да и с квартирой надо что-то решать.

– В каком смысле?

– Лучше снять одну на всех, но побольше. Тогда и платить будем меньше.

Перспектива жить рядом с симпатичной Ларисой вообще дорисовала Толику крылья.

– Ты гений! – прошептал он. – Ищи помещение под кафе, а я займусь поиском квартиры.

Несколько лет назад Андрей увидел по телевизору занятный сюжет, буквально потрясший его сознание.

Молодой российский тележурналист освещал какой-то международной саммит, проходящий в маленькой и уютной европейской стране. В Дании, Голландии, то ли в Бельгии – он уже не помнил. Узкие улочки, вымощенные камнем, невысокие красивые домики, милые кафе, старинные фонари и клумбы с чудесными цветами. Чистота, образцовый порядок, покой и умиротворение.

Каждое утро журналист выходил из небольшого отеля и направлялся в сторону пресс-центра, где его ждала обыденная работа. Он постоянно проходил мимо крохотной кондитерской, источавшей волшебные ароматы свежайшей выпечки. Вечером парень возвращался тем же маршрутом, обязательно заходил в это заведение и прикупал чего-нибудь вкусенького для вечернего чая. Вся здешняя выпечка отличалась необыкновенным вкусом.

В последний день работы в этой стране журналист решил встретиться с хозяином кондитерской и взять у него короткое интервью.

Владельцем заведения оказался молодой и доброжелательный мужчина по имени Томас. Он с радостью согласился рассказать о своей профессии, показал торговый зал, небольшой цех, пекарню, склад, познакомил русского журналиста с супругой, двумя дочерьми и сыном, также задействованными в производстве.

Более всего в этом интервью Андрея поразил тот факт, что Томас владел кондитерской в семнадцатом поколении. Да-да, именно так дело и обстояло. Несколько веков праотцы Томаса спокойно проживали на втором этаже этого дома, а на первом готовили кондитерские изделия.

Вокруг полыхали войны и революции, сменялись короли и президенты. Река, на которой стоял город, десятки раз выходила из берегов и затопляла улицы. Ужасные эпидемии уносили миллионы жизней. Но предки Томаса продолжали выпекать хлеб, булочки, печенье и знаменитые вафли. Ничто не могло этому помешать.

«А ведь в нашей стране совершенно невозможно такое представить, – едва ли не в отчаянии подумал тогда Грибов. – Почему народ, занимающийся малым бизнесом, таким необходимым буквально для всех, чувствует себя в европейских странах уверенно и спокойно? А у нас одно и то же помещение в год меняет трех хозяев. Не успеешь привыкнуть к парикмахерской, как вместо нее открывается туристическое агентство. Только понравится ассортиментом и антуражем кафешка, как на ее месте материализуется аптека. А все почему? Потому что нам не дают нормально работать! Проверки фискалов, мздоимство чиновников, придирки пожарников и санэпидстанции!.. Да и законы у нас – тот еще цирк без купола».

В той новосибирской многоэтажке, где он купил квартиру, почти все помещения первого этажа сдавались в аренду. Над входами, расположенными со стороны улицы, названия действительно менялись чрезвычайно часто. На окнах почти постоянно белели объявления о продаже и сдаче в аренду с номерами телефонов.

Относительно удачный старт их с Анатолием бизнеса объяснялся просто. Во-первых, они научились обходить строгие законы, инструкции и положения. Если бы не это умение, то им пришлось бы работать в убыток. То есть бизнес надо было бы закрывать.

Во-вторых, пахали они как ломовые кони по пятнадцать часов в сутки без выходных, праздников и отпусков. Подобные нагрузки позволительны только в молодости. Будь бизнесмены постарше, с набором болячек, то не потянули бы такой режим.

Светка, обрадованная решением мужа, примчалась в Анталию буквально через неделю. Ее двоюродная сестра приехала немного позже. Эту женщину, нагруженную чемоданами со шмотками, парни встретили в местном аэропорту.

К тому времени Андрей с Анатолием нашли подходящее помещение в двух кварталах от старого кафе, сделали там приличный ремонт. Они успели подумать и о нормальном съемном жилье неподалеку от будущего места работы. Для экономии средств ребята сняли четырехкомнатную квартиру в многоэтажном доме. Большая комната площадью восемнадцать квадратных метров, две по двенадцать и одна совсем крохотная. Еще кухня, коридор, душевая с туалетом и прихожая. Арендная плата за эти апартаменты была небольшой по российским меркам. Снять аналогичное жилье в Новосибирске вышло бы в два раза дороже.

Новое кафе парни решили назвать «Обь». Конечно, в честь великой русской реки, на берегах которой стоял их родной Новосибирск. Соотечественникам, проживавшим в Анталии, это емкое слово говорило о многом. Туркам же пришлось по нраву завораживающее и короткое сочетание звуков.

Открытие заведения совпало с началом летнего сезона. Туристов из России в Анталии по-прежнему не было. Гостей из других стран тоже поубавилось из-за войны, полыхающей в соседней Сирии. Тем не менее зал кафе, рассчитанный на полсотни посетителей, практически никогда не пустовал.

Поначалу Андрей, Анатолий, Светлана и Лариса справлялись с делом вчетвером, позже поняли, что им нужны надежные помощники. Парни снова вернулись к идее перетащить в Турцию своего давнего приятеля Николая Стерлина.

Они созвонились с ним, переговорили. Поначалу Колька воспринял приглашение как шутку. Потом, когда понял, что друзья говорят серьезно, призадумался. Через день он перезвонил им сам и озвучил согласие. Так в кафе появился полноценный бармен. Правда, бывшего автомеханика пришлось обучить новой профессии. Но парень он был смысленный, деловой, и дело у него пошло.

Еще через месяц Андрей с Толиком наняли на работу двух братьев-узбеков, уроженцев Самарканда. Те тоже приехали в Турцию за лучшей долей, изрядно помыкались на временных работах, хотели найти что-то приличное и постоянное в плане зарплаты. Друзья предложили тридцатилетнему Фази Джепару стать водителем старенького грузовичка, его брату Юлдашу – рабочим и охранником. Те с радостью согласились. Проживали они в узбекском квартале, расположенном на другом конце города, там и остались, добирались ранним утром на работу на служебном грузовичке.

Таким вот образом за полгода штат кафе «Обь» увеличился с двух до семи человек. Работать стало проще, выручка постепенно выросла до вполне приличных объемов.

Грибову и Кубанину в этом году исполнилось по двадцать шесть. Первый был невысок ростом, но плечист. Темные волосы, смуглый цвет кожи, спокойный темперамент и мягкий характер. Второй представлял собой полную противоположность первому. Рост – метр девяносто, худощавый, светлокожий шатен. Решения он иной раз принимал без тщательного анализа и был достаточно вспыльчив.

Тем не менее ощутимая разница характеров и внешнего вида не сказывалась на крепкой дружбе, зародившейся в далеком детстве. Ничего не изменилось и после свадьбы Андрея и Светланы. Анатолий по-прежнему оставался свободным от брачных уз. До отъезда в Турцию ребята регулярно встречались и проводили время в дружеских попойках. Почти все праздники они отмечали втроем. Светка готовила дома что-нибудь вкусненькое, и супруги звали в гости Кубанина.

Иногда к ним присоединялась Лариска, и потом Грибовы подтрунивали над приятелем:

– Когда ж ты сделаешь ей предложение?!

– Какое предложение? – театрально удивлялся Анатолий.

– Да ладно отнекиваться! Мы же видели, как ты на нее смотрел!..

Кубанин и впрямь испытывал к этой женщине симпатию, если не сказать больше. Она побывала замужем, имела шестилетнюю дочку и была вполне самостоятельным человеком с устоявшейся и устроенной жизнью.

В свои двадцать пять Лариса Болина оставалась привлекательной и стройной, без единого грамма лишнего веса. Высокая шатенка с серыми глазами, объемной грудью и длинными красивыми ногами.

Светлана была мало похожа на двоюродную сестру – жгучая брюнетка среднего роста. Фигура ровная, но не такая стройная, как у Ларисы. Небольшая грудь, слегка мелковатые черты лица. Обе были по-своему красивы, имели довольно легкий уживчивый характер.

Серьезного образования Лариса получить не успела, но работы не боялась и бралась за все, что приносило хоть какой-то доход. Во время замужества она сидела дома и занималась дочерью, после развода успела поработать кладовщицей, уборщицей, кондуктором и сетевым менеджером. Дочь с пяти лет проживала с бабушкой и дедушкой в Подмоскovie, мама навещала ее два-три раза в месяц.

Симпатию Кубанина она, конечно же, замечала, но их встречи в квартире Грибовых происходили редко, и отношения откровенно буксовали. В Анталье все стало по-другому. Они жили рядом, работали в одном кафе и виделись по сорок раз на дню.

Как-то само собой у них закрутилось. То допоздна засидятся в зале после закрытия кафе, вспоминая юность. То после рабочего дня отправятся погулять по набережной.

В этот день они выпили по бокалу шампанского и решили пройтись. Лариса отчего-то была не в настроении.

– Ветрено сегодня. Уже пахнет осенью, – подал голос Анатолий.

Она кивнула, посмотрела в темное небо, на верхушки деревьев, колыхавшиеся от ветра, и снова погрузилась в свои мысли. Второй час Кубанин пытался растормошить Ларису, но настроение у нее оставалось подавленным.

На набережной и улицах города почти не было людей. Они прошлись вдоль береговой линии, немного постояли у залива, огороженного от волн двумя молами, за которыми стояло великое множество катеров и яхт, затем повернули в сторону дома.

С тех пор как турки сбили российский самолет, туристов в Анталье здорово поубавилось. Из России приезжали единицы, европейцев смущала близость Сирии, охваченной жесточайшей войной. В последние полгода с Запада сюда наведывались разве что отчаянные пенсионеры и компании молодых людей, которым не было дела до боевых действий на территории соседнего государства.

Кубанин осторожно взял Ларису под руку. Та, не замечая луж на асфальте, шла рядом с ним и думала о чем-то своем.

– Замерзла? – заботливо спросил молодой человек.

Взгляд женщины на миг сделался осознанным. Она словно очнулась от душного сна, повела плечами, но не ответила.

– Что с тобой творится? – спросил Анатолий.

Она вздохнула и призналась:

– Сегодня разговаривала по телефону с дочерью.

– Соскучилась?

– Не то слово. Плачет, просится ко мне. Ну, в общем, и я расплакалась.

– Может быть, есть смысл перевезти ее сюда?

– Это невозможно. Она через месяц идет в первый класс. Уже прошла собеседование, определена к хорошему педагогу. А что будет делать здесь?..

– Я слышал, в Анталье есть русская школа.

– Есть. Но туда очередь на три года вперед.

– Она ребенок, ее понять не сложно. А ты-то почему расстраиваешься?! Ты же здесь не на отдыхе! Пашешь по двенадцать часов, бабки зарабатываешь. Так ведь?

– Так. – Лариса грустно улыбнулась. – Но разве ребенку объяснишь, что в ее родном городе я столько не заработаю?!

Глава 3

Сирия, военная база Хмеймим – район селения Джамлат

Три вертолета шли на предельной малой высоте. Они огибали все неровности рельефа и выдерживали курс на авиационную базу Хмеймим. Впереди следовал «Ми-8», с тыла его прикрывали два двадцать четвертых.

В кабине «Ми-8» находилась почти вся группа подполковника Павла Новикова. Бойцы сидели на откидных лавках. Их лица были усталыми, но довольными. Подполковник давно завязал с курением, а тут от радости потянуло. Он стрельнул сигарету у снайпера и с удовольствием затянулся крепким дымком.

– Угостись, командир. – Снайпер улыбнулся, протягивая Новикову плоскую фляжку.

– Водка?

– Обижаешь! Чистый спирт.

Такие фляжки в командировки брали с собой все члены группы. У кого-то в ней плескалась водка, у кого-то коньяк. Прапорщик Устинов предпочитал спирт. Умеренные дозы крепкого алкоголя неплохо помогали расслабить мышцы и нервную систему в подобных командировках.

Новиков сделал большой глоток и занюхал выпивку пропотевшим рукавом камуфляжки. Говорить о чем-либо не хотелось. У него было лишь одно желание: выпить, закрыть глаза и ни о чем не думать.

– Держите. – Устинов передал фляжку дальше. – Свои-то емкости небось давно уже опорожнили.

Бойцов, получивших ранения в этой операции, товарищи устроили в центре кабины на брезентовых чехлах, сложенных вчетверо.

Прапорщик Семен Лапин словил пулю в бедро. Тугой резиновый жгут помог остановить обильное кровотечение, укол обезболивающего тоже сделал свое дело. Парень чувствовал себя неплохо.

Пулеметчик Анатолий Горбенко получил сквозное ранение плеча. Толя был настоящим мужиком и всегда терпел любую боль, не показывая страданий. Его ранение парни успели обработать, сделали такой же укол обезболивающего. Теперь великан Горбенко дремал, устроив щеку на прикладе пулемета.

Хуже всего дела обстояли у капитана Кудина. Он лежал на спине рядом с Горбенко и еле-еле шевелил конечностями. Хорошо, что в последние четверть часа офицер начал хоть как-то реагировать на слова и жесты.

В нескольких крайних командировках Славке жутко не везло на ранения. Едва ли не каждая вылазка заканчивалась для него госпитальной палатой. То пуля, то осколок, то контузия от близкого разрыва какой-нибудь адской штуковины.

Полгода назад он вернулся в бригаду из специализированной клиники, где врачи по частям собирали его правое бедро. Капитан отгулял отпуск по ранению, прошел медкомиссию и снова встал в строй. Теперь ему опять прилетело!

Хотя по поводу, везет или нет, рассуждать можно долго. Если бы ему и впрямь не везло, то давно бы уже не жил на этом свете балагур Славик. Как говорят в спецназе: «Где заканчивается удача, там начинается кладбище». А он пыхтит до сих пор, пьет водку в общаге, травит анекдоты и весьма квалифицированно разводит молоденьких баб на медленные танцы в постели.

«Оклемаются, – подумал Новиков, посматривая на раненых подчиненных. – Это не первые и, увы, наверняка не последние ранения. Лапин с Горбенко месяц проведут в госпитале, затем отдохнут, наберутся сил в отпусках и вернуться на подмосковную базу здоровыми. Со

Славкой будет сложнее, ведь контузия – штука опасная. Дай бог, если он отделается легкой формой. Не исключены и тяжелые последствия. Кудрин может временно потерять слух, зрение или речь, навсегда остаться инвалидом с параличом конечностей. Ладно, не будем о грустном».

Первую половину полета бойцы молчали, восстанавливали дыхание и вспоминали свое чудесное спасение с пологого лесистого склона высоты.

Позже они стали делиться впечатлениями и деталями прошедшего боя.

Павел же поднялся и спросил у бортового техника:

– Дружище, сколько еще до базы?

– Минут двадцать, – крикнул тот.

– Не забудьте запросить машину с медиками. У нас три трехсотых.

– Уже запросили. Обещали встретить.

Новиков вернулся на место и принялся смотреть в круглый иллюминатор.

Да, эту нелегкую операцию можно было считать завершенной. Через четверть часа вертушка выполнит разворот, начнет снижаться, затем коснется колесами бетона, зарулит на стоянку и выключит движки. К борту подкатит машина медицинской службы, вызванная экипажем. Ребята быстро перегрузят в нее раненых товарищей.

На стоянке их будут встречать парни из группы, вовремя ускользнувшие из Эль-Мара. Разумеется, подойдет куратор, вечно угрюмый полковник Андреев. Он поблагодарит личный состав за работу и проводит до жилого модуля, попутно расспрашивая о деталях операции по уничтожению местных лидеров ИГИЛ. Наверное, появятся начальник особого отдела и кто-то из руководства военной базы.

Ночь бойцам придется провести в кельях жилого модуля. Утром группа попутным бортом будет отправлена в Москву. Там многих ждут родные и близкие. Наконец-то все нормально отоспится, отъедятся и отдохнут.

Его мысли плавно перенесли к образу медсестры Ирины. Эту красивую тридцатилетнюю женщину Павел знал с момента перевода в спецназ ФСБ. Поначалу их знакомство было поверхностным. Близко им довелось сойтись совсем недавно, во время амбулаторного лечения Павла после очередного ранения.

Родителей Ирина лишилась давно. Отец умер от рака, мама пережила его всего на два года. Ее муж, капитан спецназа, погиб четыре года назад, командуя группой в одной из горячих точек. На Урале у нее остались дальние родственники, но отношения она поддерживала только с двоюродной сестрой.

В перерывах между командировками Павел встречался с Ириной. Как правило, их свидания происходили по субботам. Они выбирались в Москву, чтобы сходить в театр или посидеть в хорошем ресторанчике. Либо отправлялись на природу. Недалеко от базы еще оставались роскошные леса, нетронутые цивилизацией.

Он частенько любовался ее лицом и роскошной грудью. Красивых женщин на свете много, но Ирина была особенной и знала об этом. Стройная, сексуальная, манеры и движения – точь-в-точь сытая, ухоженная пантера.

«Надо бы сделать в своей квартире ремонт, навести марафет, купить новые шторы на окна и пригласить ее в гости. – Новиков улыбнулся, представляя, как это будет. – Столько времени знакомы, а позвать к себе до сих пор не удосужился. Посидим при свечах, поговорим по душам о будущем».

Внезапно он заметил, что транспортный вертолет начал снижаться. Машины подлетали к базе и выполняли последний разворот перед заходом на посадку.

Бойцы наконец-то добрались до жилого модуля, освободились от снаряжения и одежды, жутко грязной, пропитанной потом и кровью. Модуль сразу наполнился гомоном, шутками и смехом. У входа в душевую комнату образовалась очередь.

После душа спецназовцы посвежели, оделись в чистое и потянулись на улицу, в курилку, расположенную слева от крыльца.

Устинов травил очередную байку, вдруг посмотрел в сторону, на секунду замолк, потом радостно растянул губы в улыбке:

– Славка!.. Чтоб я свои усы подпалил, если это не он!

К курилке и вправду медленно ковылял Кудин, вполне живой, хотя и без особого румянца на впалых щеках. На голове белела свежая бинтовая повязка.

– Отпустили или сбежал? – спросил Новиков и подозрительно прищурился.

– Отпустили, – ответил Славка и уселся рядом с командиром на скамейку, разогретую солнцем.

– Врешь, как и всегда? Ты же еле на ногах стоишь!

– Брось, Паша. Я же не из поколения пепси! Чего мне в палате-то куковать? Доктор осмотрел, послушал, измерил давление и предложил полежать пару дней. Дескать, никакого лечения уже не надо, просто понаблюдаем, прокапаем, витаминами подкормим. Но я и в модуле могу отлежаться. С вами-то веселее.

Подполковник с сомнением повел плечами:

– Все же под присмотром врачей было бы надежнее.

– Да ну их к черту! Я после московской клиники смотреть на них не могу! От больничного запаха тошнит. Кровь из ушей не течет, голова не звенит, даже слух восстановился. В общем, здоров и готов к приключениям.

– Ну да, за час с небольшим полностью оклемался от контузии.

– Оклемался, командир. Ей-богу!

– А башку тогда зачем тебе перебинтовали?

– Для порядка. Правила у них такие, – нашелся Славка. – Мне бы водочки грамм триста в качестве лекарства, так я вообще был бы счастлив.

– Нет у нас водочки. – Командир тяжело вздохнул. – И кончай врать насчет «оклемался»! Я отлично знаю, когда ты гонишь пургу.

– Разве? – Славик заметно расстроился. – Меня голос выдает или мимика?

– Глаза твои распрекрасные.

– Можно поподробнее?

– Когда ты врешь, твой взгляд становится таким же непорочным и преданным, как у кандидата в депутаты.

– Кому преданным?

– В данном случае мне.

– Ясно. Надо что-то делать с глазами. Слушай, а нас скоро домой отправят?

– Надеюсь, завтра утром. Торопишься?

– Надоело это адово пекло. Домой хочу.

– В Подмосковье скоро осень начнется. А тут как в «Артеке» – солнце, море, воздух! Или по общаге соскучился?

– Нет, не особо соскучился... – капитан замялся. – Просто Маринка там заждалась.

– Маринка его заждалась. Слава, ты бы хоть книжку какую прочитал, что ли!

– Зачем? – спросил тот и наивно хлопнул длинными ресницами.

«Действительно, зачем ему книжки? – с усмешкой подумал Павел. – Наше спецназовское дело знает, с бабами у него полный порядок. От контузии отошел, и это уже неплохо».

Однажды этот балбес волею божественного случая навел порядок в селе, расположенном по соседству с загородной базой. Народу в этой дыре было мало, всего-то человек триста, из которых более половины составляли пенсионеры.

Дабы хоть чем-то удержать на месте молодежь, сельская власть решила отремонтировать клуб и организовать в нем субботние дискотеки. Любое мероприятие такого рода, как водится, притягивает с округи весь сброд. Повалилась туда и алкашня, и малолетние бандиты.

Изредка появлялись там и отважные офицеры спецназа, пышущие молодостью и здоровьем. К ним девчонки липли с куда большим рвением и нежностью, чем к вышеназванному местному бомонду. Этот факт почему-то очень расстраивал граждан, не отличавшихся особой законопослушностью.

Они затаили обиду и решили отомстить. Герои всем кагалом подловили и отдубасили лейтенанта. Соотношение сил, разумеется, было таково, что на каждый палец офицера приходилось по два упуля.

Слава дружил с тем лейтенантом, приносил ему в больничку соки и творожок. Он задумал изменить мир к лучшему. Ладно, пусть и не весь сразу.

В очередную субботу Кудин приоделся в гражданское платье и двинулся в сельский клуб. Вместе с ним туда, разумеется, чисто случайно, двинулись его приятели, в совершенстве владевшие некоторыми малоизвестными видами единоборств.

В клубе Славка вел себя довольно разнузданно, и нехорошие парни его моментально срисовали. Как только у них набрался кворум – на каждый палец по два упуля, – они начали наезжать на него.

Сельские власти потом закрыли клуб на месяц для проведения восстановительных работ. Все восемь окон пришлось стеклить заново. Как рассказывали очевидцы, плохие парни через эти окна вылетали из клуба, как птицы. Битое стекло в рожу – это вам не шуточки.

Мольбы, стенания, клятвы в вечном мире никак не действовали на парней, возглавляемых Славиком. Они старательно, очень квалифицированно месили упулей.

Говорят, будто военные патрули, прибывшие в село, вступили в дело далеко не сразу. Солдаты, парализованные красотой зрелища и торжеством справедливости, долго любовались происходящим. Разбитые стекла – мелочь и суета. А вот нехорошие люди, летящие на бреющем и катящиеся потом по травке – это шедевр.

Первого из них селяне увидели только через несколько месяцев после того дивного побоища. А к клубу вообще ни один упуль больше не подошел.

Парни сидели на узких деревянных лавочках, сооруженных внутри курилки, и посматривали на жизнь российской авиационной базы, кипевшую вокруг. Несколько служивых подметали асфальтовые тропинки, двое старательно подновляли белой краской узкие бордюры. Между штабом и учебно-летным отделом курсировали летчики и штурманы. У дальних блоков, служивших складами и мастерскими, сутились техники и механики.

По дороге, примыкавшей к аэродрому, то и дело проезжали заправщики, тягачи и прочие автомобили. На стоянках и рулежных дорожках гудели мощные авиационные движки. С взлетно-посадочной полосы то и дело стартовали самолеты.

Спецназовцы смотрели на будничную суету и даже не верили, что два часа назад в лесочке на склоне холма с трудом сдерживали натиск боевиков и были на волосок от гибели. Настроение у всех было отменным. Омрачал сегодняшний вечер лишь один факт. Треть группы находилась в медсанчасти.

– А неплохо бы сейчас в брюхо что-нибудь закинуть, – заявил снайпер и почесал небритую щеку. – Ужин нам принесут сегодня?

– Должны! Мы же не сняты с довольствия, – поддержал Устинова Лихачев.

Кудин подставил лицо свежему ветру, дувшему с моря, и вдруг проворчал:

– А может, мне и правда сдать местным докторам? Чего на базе-то делать?.. Торчать каждое утро на построениях, бегать изматывающие кроссы, ползать по стрельбищу, воспитывать молодое пополнение...

– А потом опять мчаться в горячую точку, отлавливать всяких отморожков и разбивать головы их атаманам, – развил Новиков его мысль.

– Вот и я о том же. А между командировками считать рублики до зарплаты и лопать пирожки с гравием из вонючей столовки для дальнобойщиков.

Павел посмотрел в бездонное синее небо и задумчиво осведомился:

– Славик, ты и на самом деле решил перенять у Толика отвратительную привычку ловить в каждом бою пули, осколки или контузии?

– Человек хрупок, командир, – парировал этот балабол. – Стоишь – варикоз. Сидишь – геморрой. Лежишь – омертвление тканей.

– Да, примерно так. Но раз уж тебе мозг основательно сотрясло, то...

– То что? – спросил тот и настороженно повел носом.

– То по возвращении тебя обязательно укутут в медсанчасть для полного обследования. Так ведь?

Кудин ощупал бинтовую повязку и пожал плечами.

– Вроде так. Только я к ним не пойду. Пока доберемся до родных мест, забуду, какой тональности был звон в ушах.

– Ты все-таки подумай и не отказывайся от общения с врачами.

Кудин опять уставился на командира взглядом, полным непонимания.

– Последней извилины наш Славик из-за контузии лишился, – с усмешкой проговорил Устинов. – Думаешь, он о твоей башке печется? В ней мозга все равно не добавится. Правильно я говорю, Павел Александрович?

За такой вот непринужденной болтовней спецназовцы не заметили, как возле курилки нарисовался куратор группы полковник Андреев. Старшие офицеры после возвращения с ним уже виделись, успели крепко, по-мужски обняться и вкратце рассказать об удачном завершении операции.

Виктор Михайлович закурил и объявил:

– Так, товарищи, я только что разговаривал с Москвой, доложил об окончании операции. Руководство оценило вашу работу на «отлично».

Это была вполне закономерная оценка.

Корпус «Священный джихад» потерпел серьезное поражение, потерял лидеров и мозговой центр. На то, чтобы найти среди полевых командиров новых талантливых координаторов, перегруппировать силы и восстановить прежнее доминирование, бандитам понадобится немало времени.

Но самое главное состояло в том, что группой Новикова были сорваны переговоры руководства ИГИЛ с одним из лидеров сирийских туркмен. Это означало, что в ближайшее время здешнее подразделение Исламского государства помощи от них не получит и нападения на авиабазу Хмеймим не последует. У исламистов не осталось сил для такого дерзкого шага.

– Товарищ полковник, нас с довольствия еще не сняли? – выбросив окурочек, спросил снайпер.

– Проголодались?

– Еще бы!

– Не волнуйтесь. Вы все до одного на довольствии.

– А фронтовые сто грамм нальют?

Андреев хитро прищурился и проговорил:

– Налют, конечно. Даже не по сто, а грамм по четыреста. Кстати, в комнате отдыха жилого модуля уже накрыт праздничный стол, а вы тут атмосферу табачным дымом загрязняете.

Покидая курилку, бойцы довольно гудели. Отправились в сторону модуля и Новиков с Андреевым.

– В Москву завтра? – справился Новиков.

Куратор стер с лица улыбку и негромко сказал:

– В Москву завтра отправят раненых. Остальным придется задержаться.

– Почему? – оторопел подполковник.

– На этот вопрос я пока ответить не могу. Так распорядился Шестопалов, не объясняя причин. Завтра в девять утра очередная связь с Москвой. Вот тогда, надеюсь, все и прояснится.

Неожиданная новость насторожила и расстроила Павла. Он успел расслабиться и настроиться на возвращение к мирной жизни. А тут снова какие-то непонятные вводные. Неужели генерал Шестопалов не даст им передохнуть и зализать раны? Снова намечается какая-то операция?

– Виктор Михайлович, у меня осталось меньше половины группы. Капитан Силанов долечивается в Москве, у связиста Бубнова проникающее ранение брюшной полости, у санинструктора Дубова, гранатометчика Лапина, пулеметчика Горбенко и майора Лихачева сквозные дырки в фигурах. Да и Кудину после контузии неплохо бы недельку отлежаться. Он бодрится, но я-то вижу, что парню хреново. Так что в строю пока четверо.

– Я доложил об этом Шестопалову, – сказал полковник. – Полагаю, у него нет намерения задействовать твою группу еще в одной сложной операции.

В комнате отдыха несколько рядовых бойцов в накрахмаленных белых куртках заканчивали сервировать стол. Необыкновенные ароматы витали по всему модулю. Наваристый борщ, отбивные и жареная рыба, два вида гарнира, салаты, свежие фруктовые соки. В центре стола поблескивала батарея запотевших бутылок с известным содержимым.

– Вот это по-нашему! – прогудел довольный Устинов.

– В последний раз я усаждал свой желудок ранним утром! – вторил ему Кудин.

Гремя стульями, офицеры и прапорщики рассаживались за длинным столом.

«Ладно, чего расстраиваться, – решил Павел. – В нашем ведомстве планы меняются чаще, чем цена за баррель нефти. Завтра огорчимся, если генерал Шестопалов подтвердит приказ задержаться в Сирии. А сегодня надо расслабиться. И так уже нервы ни к черту».

Компания спецназовцев, усиленная полковником Андреевым, руководителем особого отдела Боровиковым, разведчиком Сусловым и начальником авиабазы, засиделась в комнате отдыха до поздней ночи. Мужчины произносили тосты, выпивали, закусывали. Андреев и начальник особого отдела интересовались подробностями операции. Командир группы и его заместитель по очереди рассказывали о недавних событиях. Устинов помалкивал, думая о своем; Кудин то и дело пытался дополнить рассказ старших товарищей мелкими деталями.

А еще все они мечтали о скорейшем окончании войны.

В половине десятого утра Новикова разбудил Андреев.

– Подъем, соня! – заявил он и громко хлопнул входной дверью.

Выпито накануне было немало, поэтому Павел с трудом оторвал от подушки тяжелую голову.

– Что случилось?

– Ничего, не считая разговора по спутнику с Шестопаловым.

– Ах да. – Подполковник протер глаза, нащупал ступнями тапочки, натянул брюки и тельняшку, встал. – Так что же сказал генерал?

– Он хочет, чтобы твоя группа смоталась в соседний район и подстраховала встречу двух офицеров нашей разведки с сирийским агентом.

– Неужели подстраховку не может осуществить сирийский спецназ?

– Не может.

– Почему?

– Из соображений секретности предстоящей встречи. Там какой-то очень ценный агент, завербованный много лет назад. Работает едва ли не в самом логове ИГИЛ. Так что все должно происходить под нашим контролем и без лишних свидетелей.

– Понятно. – Новиков повесил на шею полотенце, взял с подоконника зубную щетку и пасту. – Когда выход?

– Ближайшей ночью.

– Четверых будет достаточно для подстраховки?

– Ты Кудина все-таки решил не трогать?

– Пусть отлежится.

– Тогда возьмишь на всякий случай майора Суслова. Он уже ходил с вами, и ты неплохо о нем отзывался.

– Хорошо, пусть идет. Во сколько инструктаж?

– Сразу после ужина, в восемнадцать тридцать.

Павел покинул номер и направился в душевую. Стоя под струями прохладной воды, он обдумывал приказ Шестопалова. Информации пока было маловато. Он знал, что о месте встречи услышит позже. Тогда же Андреев предложит вариант маршрута и способ передвижения.

«Хоть бы не пришлось топать туда пешком, – со вздохом подумал Павел, высушивая волосы полотенцем. – Люди устали, и одних суток для отдыха крайне мало. Мы просто не успеем восстановиться».

За завтраком в комнате отдыха присутствовали только спецназовцы.

– Сегодня ночью будет работа, – угрюмо обмолвился Новиков. – Пойдем вчетвером.

– Почему вчетвером? – всполошился Славка. – Кто остается?

– Ты остаешься. Без возражений! – осадил он капитана, готового поспорить.

Кудин обиженно замолчал и принялсяковырять вилкой макароны по-флотски.

– Куда? – кротко поинтересовался Лихачев.

– Об этом узнаем вечером. По словам Андреева, работа несложная и где-то поблизости.

Днем парни отсыпались, отдыхали, смотрели телевизор и навещали друзей, оказавшихся в медсанчасти.

После ужина из штаба в модуль вернулся Андреев.

Полковник зашел в номер, который делил с Новиковым, уселся на кровать, хлебнул из бутылки минеральной воды и устало сказал:

– Давай инструктаж проведем прямо здесь. Что-то я замотался сегодня.

– Легко. Лихачева с Сусловым позвать?

– Не стоит, – отмахнулся Андреев. – Там работы на один час. Дольше добираться. Подсаживайся ближе.

Павел пододвинул стул к соседней кровати. Полковник подтянул к себе планшет, вынул из него карту и расправил ее у себя на коленях.

– Встреча наших разведчиков с агентом состоится здесь, – сказал он и обвел пальцем край длинного ущелья. – Тут дорога делает петлю вокруг развалин селения.

– Они у самого входа в ущелье?

– Совершенно верно. Там торчат остовы трех или четырех домов. Агент должен подъехать по дороге с северо-востока. На чем – пока неизвестно. Сначала твою группу подбросят на вертолете до окрестностей Идлиба. Там к вам присоединятся два разведчика, и все вы на бронетранспортерах будете доставлены до этой развилки. – Полковник вооружился карандашом и поставил галочку возле разветвления грунтовых дорог.

Исходя из масштаба карты, расстояние от развилки до развалин составляло около двух километров.

«Это по-божески, – подумал Новиков и с облегчением вздохнул. – Я боялся, что опять придется топать всю ночь».

– После вашей высадки бронемашины продолжат движение до ближайшего населенного пункта под названием Джамлат, – продолжал Виктор Михайлович. – Из Идлиба туда заранее выдвинулось подразделение разведроты и имитировало некие действия. Транспортеры придут в Джамлат якобы для того, чтобы забрать данное подразделение. Основной же задачей является ваша эвакуация.

– Неплохо придумано, – признал Новиков. – А где конкретно должна состояться встреча агента с нашими парнями?

– В крайних развалинах. – Острые карандаша уперлось в нужную точку на карте. – План прикрытия продумаешь сам, но я бы посоветовал двух бойцов оставить у дороги, а трем распределиться вокруг заброшенного селения. Оружие, боеприпасы, снаряжение – на твое усмотрение.

– Как прикажете возвращаться?

– Пешком от развалин до развилки дорог. Оттуда на бронетранспортерах до площадки, где вас подберут вертолетчики и доставят сюда.

– Понял. Еще какие-нибудь детали имеются?

– Пожалуй, это все.

Предстоящая встреча двух разведчиков с сирийским агентом была настолько засекречена, что здесь, в Сирии, о ней практически никто не знал. Только Андреев, через которого шла информация, да главный исполнитель прикрытия Новиков. Еще, наверное, командир авиабазы, отдавший приказ двум вертушкам перекинуть небольшую группу спецназа к южной окраине Идлиба. Хотя и ему руководство могло поставить задачу, не вдаваясь в подробности.

Вылет пары вертолетов был назначен на десять вечера. Расстояние между аэродромом авиабазы и Идлибом было незначительным – всего девяносто километров. Тридцать минут лета.

В двадцать один сорок пять все члены группы подошли на стоянку к двум готовым «птичкам». Это были подполковник Новиков, его заместитель майор Лихачев, снайпер Устинов, ликвидатор Бобровский и начальник разведки авиабазы майор Суслов.

– Вопросов не возникло? – еще раз поинтересовался полковник Андреев.

– Нет, – ответил Павел.

– Тогда удачи. Полагаю, под утро вы уже будете здесь.

– Надеюсь.

Бойцы не спеша поднялись по трапу в кабину транспортного «Ми-8», уложили под дополнительный топливный бак снаряжение, расселись вдоль борта.

Первым начал запускать двигатели «Ми-24», стоявший на соседней площадке. Его экипажу было поручено прикрывать «восьмерку». Вскоре завыл и двигатель транспортного вертолета.

Все пятеро участников операции взяли с собой бесшумные «Валы», штатные пистолеты, ножи, по четыре гранаты и тройному боекомплекту. Они имели при себе радиостанции, приборы ночного видения, навигатор и ночные прицелы. Сухие пайки и прочие вещицы, предназначенные для длительного нахождения в тылах противника, командир приказал оставить в расположении базы.

«Ни к чему, – решил он. – Андреев уверял, что встреча продлится не дольше двадцати минут».

Ровно в десять вечера вертолеты оторвались от бетонки, набрали высоту и взяли курс на Идлиб. Темнота к этому времени полностью накрыла Сирию. К западу от линии маршрута виднелись огни немногочисленных судов, шедших вдоль побережья. К востоку мерцали редкие россыпи населенных пунктов.

До Идлиба машины долетели быстро. Павел едва успел развернуть карту, подсветить ее фонарем и еще разок изучить диспозицию, как вертолет начал снижаться. Через минуту его колеса коснулись поверхности.

Техник сдвинул дверь, выбросил наружу трап и помог спецназовцам покинуть кабину.

– Где транспортеры? – крикнул ему перед выходом Новиков.

– Там. Чуть ниже. – Тот махнул рукой в нужную сторону.

Впрочем, искать боевые машины людям Новикова не пришлось. В тридцати метрах от места посадки их встречал молодой офицер.

– Здравия желаю! Капитан Ковалев, – представился он, перекрикивая гул авиационных двигателей.

– Подполковник Новиков, – назвался Павел и пожал его руку.

– Мне приказано забрать вас и доставить к ущелью.

– Два пассажира у вас?

– Да, в первом транспорте.

– Пошли.

Спускаясь с пригорка, бойцы провожали взглядами удалявшиеся бортовые огни вертолетов. Скоро они скрылись из виду. Кругом стало тихо.

Два бронетранспортера ждали группу в сотне метров. Разведчиков спецназовцы так и не увидели. Да и незачем было с ними знакомиться. У них имелась своя задача, у спецназа – своя.

Новиков и его люди погрузились во вторую бронированную машину, устроились в душной тесноте, как уж смогли, и поехали.

На часах было двадцать три тридцать. Изнуряющая жара сменилась приятной прохладой.

Павел сидел на маленьком неудобном откидном кресле и представлял себе звездное небо тропической ночи. Внутри БТР было темно. Отсутствие окон и связи с внешним миром напрягало Новикова. Что сейчас вокруг, где едут транспортеры – все это оставалось за кадром.

Когда стрелки часов сошлись на двенадцати, двигатель боевой машины сбавил обороты, а затем и вовсе умолк.

– Приехали, товарищ подполковник, – доложил капитан.

– Мы на развилке? – уточнил Новиков.

– Так точно.

Бойцы быстро выгрузились из машины, повесили на себя оружие, затянули лямки разгрузочных жилетов.

– Здравствуйте, – послышался негромкий мужской голос.

Павел обернулся. Рядом стояли два парня в камуфлированной форме без знаков различия, но с автоматами и подсумками, набитыми запасными магазинами.

– Привет, – сказал Павел. – Вы и есть те самые люди, которых мы должны охранять у развалин?

– Они самые.

– Готовы? Нам придется протопать два километра.

– Ничего страшного. Как-нибудь протопаем, – заявил один из разведчиков.

– Тогда в путь. Капитан!.. – окликнул подполковник.

– Да. – Тот мигом возник из темноты.

– Ровно через три часа ждем вас на этом же месте.

– Не беспокойтесь, будем здесь вовремя.

– Кстати, мы можем задержаться. В этом случае вы должны нас дожидаться.

– Понятно.

Растянувшись на полтора десятка метров, бойцы пробирались по лесистой предгорной местности. Дозорным, как и всегда, шел снайпер Устинов. Вторым на дистанции опять топал

Новиков. За ним держались два парня из СВР. Пятым в цепочке был Суслов. Замыкали колонну Бобровский и Лихачев, люди очень опытные.

Чтобы добраться от развилки до входа в ущелье, группе пришлось перевалить через невысокую гряду, лишенную растительности. Марш-бросок продолжался полчаса. Потом Новиков объявил короткую передышку, извлек из кармана навигатор и запросил место. Получив координаты, он сверился с картой. Эта проверенная методика позволяла ему с большой точностью выдерживать самый сложный маршрут.

– Что нам подсказывает электроника, Паша? – пробасил Устинов.

Командир хлопнул его по плечу.

– Говорит, что мы на верном пути. Дорогие граждане, вы отдохнули?

Разведчики стали подниматься.

– Тогда вперед. До места осталось меньше километра.

Пустынную дорожную петлю они пересекли за четверть часа до встречи. Затем несколько минут потратили на то, чтобы понаблюдать за входом в ущелье.

– Чисто, командир. Ни один куст не шелохнулся, – доложил снайпер, человек весьма опытный.

– Понял. Лихачев и Бобровский остаются у дороги. Остальные перемещаются к развалинам.

Группа разделилась.

Пять человек во главе с Новиковым осторожно приблизились к заброшенному селению.

– Встреча должна произойти у стены вон того дома, – заявил один из разведчиков и показал на ближайшие развалины.

– Мы займем позиции вокруг селения на удалении в тридцать-сорок метров, – пояснил свой замысел Павел. – Если что-то пойдет не так, тут же рвите ко мне. Я буду в соседних развалинах.

– Договорились.

– И вот еще. – Он вынул из кармана радиостанцию, специально прихваченную с собой. – Держите.

– Зачем? – осведомился один из разведчиков. – Мы здесь ненадолго, всего-то минут на двадцать.

– Связь никогда лишней не бывает. Пользоваться умеете?

– Приходилось.

– Тогда ваш позывной – Шестой. Мой – Первый.

Разведчики остались у назначенного места. Спецназовцы распределились по селению так, чтобы всем был хорошо виден остов крайнего дома.

Новиков занял позицию у разлома и посмотрел на часы. До встречи оставалась ровно одна минута. Однако сирийский агент не появился ни к назначенному времени, ни несколько позже.

– Второй, ответь Первому, – позвал Павел Лихачева.

– Первый, Второй на связи.

– Что там на дороге?

– Тишина.

– Совсем никого?

– Ни одной машины на горизонте.

«Хреново, – подумал Новиков. – Если сириец не появится, то Шестопалов оставит группу на базе для прикрытия следующей встречи. А когда она состоится, известно только ему».

Однако вскоре рация призывно мигнула светодиодной лампочкой.

– Первый, здесь Второй, – послышался голос Володи Лихачева.

– Первый на связи.

– Вижу автомобиль. Следует с северо-востока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.